

The book cover features a stylized illustration of a woman's profile in shades of blue and white, looking upwards. Her hair is depicted with flowing, golden-brown lines that resemble feathers or wind-blown strands. A white dove is sketched in golden-brown lines, flying towards the right. The background is a soft, light blue wash. The title is written in a white, elegant cursive script across the top.

Синие
косточки
сведечного
ядлака

Полин Ригель

Полин Ригель

Синие косточки съеденного яблока

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43477589
Синие косточки съеденного яблока: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-116405-8

Аннотация

Полин Ригель – студентка Литературного института им. А.М. Горького, разработавшая свой жанр передачи историй через послания в прозаическом повествовании. «Синие косточки съеденного яблока» – яркий дебют молодого автора, в котором охватывается тема эмоционального интеллекта и транслируются через истории психологические головоломки нашего времени. Книга побуждает прислушаться к своей душе и начать глубокую работу с сознанием, чтобы впоследствии лучше чувствовать свою интуицию, держать под контролем каждый пагубный импульс, а также верно интерпретировать поведение окружающих людей. Каждый из нас хочет лучшего будущего, так пусть это будущее наступит прямо сегодня, когда человек займется самопознанием и очистит свой разум от иллюзорных барьеров и вредных советов прошлого.

Содержание

Предисловие	6
Намерение	11
Короткое взаимодействие	11
Ее последний крик	15
Из жизни астронавта	17
Вредная привычка	20
Способ поделиться словами правды	24
Дом для душ	26
В разные стороны	29
Поглощать	31
Вписываться	33
По моим словам	35
Забег	38
Фонарь, озаривший пространство	40
На поиски волнам	42
Не прячься за свои отрицания	44
Экспедиция на дно	46
Охота	50
Спортивное мероприятие	52
Стремление к идеалу	56
Дистанция	59
Страсти	62
Подаренный мир	62

Игры из песочницы	65
Архитекторы	68
Мошенник	71
Лимонад	74
Подниматься вниз	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

П. Ригель
Синие косточки
съеденного яблока

© Ригель П., текст

© Блинова А., дизайн обложки, иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Для тебя

Предисловие

Мои дорогие читатели, я рада приветствовать вас в самом начале нашего пути, в течение которого каждый из нас обретет для себя то, что нужно ему именно сейчас. Я благодарю Вселенную за то, что у меня есть возможность познакомиться вас с моим видением важных вопросов, ответы на которые я выразила через художественный мир слов.

Данный сборник посланий посвящен эмоциональному духу нашего существа. Людям давно известно, что самосознание, самоконтроль, мотивация, эмпатия, социальные навыки – это те качества, которые входят в состав сильного человека, обладающего эмоциональным интеллектом.

Эта книга о человеке и о его главных стремлениях, где первопричина – эмоции, неосознанные импульсы. У персонажа моих историй нет конкретного лица, имени. Созданный мной человек выступает в роли единого существа своего вида, в роли Единой Души. Я провожу по страницам местоимения сквозь ребусы для того, чтобы каждый мог стать частью этой Единой Души и найти через безликих героев созвучные с собственной жизнью мысли.

Нам повезло быть свидетелями пересечения двух эпох. Я полагаю, каждый житель нашей планеты чувствует скорость, которую приносит новое время. Все упрощается, наш материальный мир становится прозрачнее с каждым днем.

Именно мы являемся свидетелями развития сознания души. Человечеству больше не нужны драмы и нездоровое искусство, проявленное сквозь опыт тяжелых испытаний нашего вида. Я чувствую, как наш мир пробуждается. Несмотря на разные предпочтения на ментальном уровне, мы учимся одинаково воспринимать информацию, упрощая форму, в которой эта самая информация поступает в разум. Я хочу поделиться с вами эффектом посланий. Это тексты, через которые я постаралась передать каждую эмоцию из существующих. Мои послания похожи на личные письма, но есть и глубокое отличие от них. Они короткие, наделены легким дыханием, которое так нужно нашему свободному веку, где ценится чувственность момента и радость говорить то, что хочешь. Я стремилась придать посланиям чувство естественной красоты, звучность, ощущение присутствия и глубины.

Человек прекрасен и более чем прекрасен. Пробуждаясь вместе с планетой, мы непременно будем раскрывать самые лучшие свои черты, и пусть все те душевные и физические шрамы, что мы нанесли себе и нашей планете, будут приняты и излечены. Я желаю вам открыть свое сердце к глубокому чувствованию мира, определив для себя, что гнев – это всего лишь страсти, печаль – двойственность, поддерживаемая тяжелыми воспоминаниями, а страх – это иллюзия. Пусть благодаря плодам самоконтроля ваши намеренья будут рождены в радости, а действия сопровождаются глубо-

кой верой в преобразование всех путей¹.

Благодарю за ваше время и соприкосновение с моими мыслями.

¹ На стр 310 находится таблица эмоций, поделенная на пять основных категорий: радость, гнев, печаль, страх, любовь. Все эмоции, присутствующие в таблице, перекликаются с посланиями по порядку.

Намерение

Короткое взаимодействие

Скорость танцев, скорость завтраков, скорость приходящих шагов. Мы живем в городе, в котором всем очень скоро. Все спешат. И от этого шум дорог прекращается только ночью. Глубокой ночью. Ошарашенная суета парит по черному небу и выискивает суетливых. Все же находятся. Все же есть те, кто не в состоянии приземлиться на лопатки в постель, в миг узаконенной тишины короткого взаимодействия.

Мы живем или носимся? Мы – слишком объемное местоимение, слишком много движущихся рук и ног в тайном желании опуститься на стул и закрыть глаза. Обрести медитацию, чтобы после, в разговоре с еще более скорыми, ее осквернить.

Ты ко мне прибежал. Ты бежал, потому что у тебя болят ноги. Ты говоришь, что, если набирать темп, боль почти не заметна, но я знаю, что это не так. Все, что тебе нужно, признать в том, что ты просто не умеешь сидеть.

Ты ко мне прибежал, я вырывала страницы из старых тетрадей и считала шаги от поэзии до прозаического повествования от тысячи слов. Видишь, я когда-то тоже была вся

из себя скорой. А теперь у меня вместо воды с ускоряющим темп лимоном кофе с горячим молоком.

Ты рассказывал что-то о проворстве, когда за один шаг отныне умело осуществляешь три. Я искренне тебе улыбалась и видела, как в своих мыслях, находясь ко мне ближе, ты уже не бежишь. Наслаждаешься, но еще не осознаешь себя в моменте.

Ты попал в мой мир, и время на этой неизвестной территории было тебе неподвластно. Я касаюсь – покой. Я касаюсь – боль становится теплым ощущением отдыхающей крови. Уже улыбаешься. Прижимаешься. Утыкаешься мокрым носом и горячим лбом в мою умиротворяющую философию.

Ты случайно взглядом запнулся о время по пути из постели на кухню. Ты попросил меня сделать перед уходом тебе напиток из теплой воды и самого ускоряющего на свете лимона. Тебя было уже не остановить. Я и не пыталась. Не в моей компетенции останавливать коней на скаку. Я где-то там, на трибунах, ем попкорн и отвлекаюсь на облака. За мечталась.

Ты. Ну иди уже за порог. Смотришь на меня с такой жалостью, будто бы это мне нужно выходить из «я» в «мы». Не обманывайся. Отпускаю.

Ты. Выходишь за дверь, в последний раз меня рассматриваешь. Протягиваю тебе пальцы. Коснись. И касаешься. Тяну короткое взаимодействие. По взгляду вижу, что ты уже забываешь, куда спешил. Улыбаюсь искренне. Закрываю

дверь.

Множественным числам я предпочту число верное и единственное. Не отвлекайтесь на чужой ритм шагов.

У тебя до сих пор болят ноги. Ты бежишь свой марафон, пока я пью американо с горячим молоком в какой-то кофейне. Ты прибегаешь ко мне и жалуешься. Я искренне тебе улыбаюсь. Слушай, может быть, нужно просто сходить к врачу?

Ее последний крик

Она слишком много держала в себе, в этом тактичном нежелании навредить другим убийственной правдой. Так правда, которой обладала только она, стала ее разъедать. От этой невыносимой боли ей хотелось издать рев и крик. Льва, орла, волка. Она не могла.

В минуты блистательной ярости меня настигает сюжет, как я ухватываю шаровую молнию руками и разрываю ее на две равные части. Разрываю ее еще до того, как она раздаст свой убийственный крик.

В женском кругу у каждой была своя цель, свои непроработанные эмоции и ситуации. Голос наставницы нас направлял. Мы поднимались с колен на ноги и начинали передвигать ступни под невидимые волны, создаваемые ритмичной музыкой. Тело наполнялось жаром жерла вулкана, а руки окружали мир. Закрытые глаза и танец, что не ради красоты и желания произвести впечатление, а ради того, чтобы заглянуть внутрь своего первозданного существа.

Когда не сознание управляет телом, а подсознание, в такие моменты танец становится тайным языком души. Часто ли мы не приказываем двигаться своему телу, а даем ему самостоятельную волю проявить скрытый дух через себя?

В минуту долгожданного соприкосновения с собственной сутью меня настигла жизнь. Я выпускаю из своего жерла

все эти иллюзорные эмоции и подставляю грудь внутреннего хищника под сверкающий разряд. От слияния со мной разряд рождает оглушающий шум. Я кричу ему под стать или же он кричит под стать мне.

Этот танец – боль, принятие, прощение, за которыми следует улыбка, означающая восторг.

После извержения магма стекает по коже и раскрывает каждую клеточку переродившейся души. Это был ее последний крик, предшествующий обновлению.

Разрешенные молнии кричат от самого сердца и бьют в вулкан.

Из жизни астронавта

Я горячо пожимал руку при новом знакомстве, награждая улыбкой того, кого хотел удивить страстностью и гордостью к своей профессии. «Здравствуйте, я астронавт!» – говорил я с превеликим удовольствием, когда все остальные, в основном с унынием, протягивали мне свою печальную лапку. «Астронавт? А я вот тот да этот». Моя радость при произношении слова «а-стро-навт» вгоняла всех в удивительную печаль. Каждый твердо понимал минусы и плюсы своей профессии. Уставшие от мирского, они представляли мое улыбающееся космическое. «И как оно там?» – спрашивали они. Я, естественно, отвечал, мол, фантастически, передавая им только эмоции и никакой конкретики. Жаль только, что я был астронавтом на перспективу. То есть как писатель, но без произведений, рассказчик, но без историй, предприниматель, но без прибыли. Я все никак не мог влететь в эту неизвестную орбиту желаемого опыта.

Я ждал. Я ждал с упрямым трепетом, когда все спутники, галактики передо мной склонятся, восхитятся и запустят публичный фейерверк в честь моего достижения. С перепадами моей самоуверенности накатывала печаль. А вдруг никогда не получится? Уже сквозь два часа я снова верил и брался трести новые ладони: «Здравствуйте, я астронавт». И улыбка озаряла мое лицо. Люди несчастные улыбались

мне своими погасшими улыбками, которые своей неестественностью противились моему счастью. Странные. Лучше бы вообще не улыбались. Они спрашивали: «Ну как оно?» И я с джемом в горле, от сладости слов, консервировал: «Фантастически». Вы бы видели то лицо, что сию секунду от моей волнующей приторности испытывало варенье моего любвижизия. Иногда, ради забавы, видя перед собой в точности таких же индивидов, как я, но катастрофически опечаленных, задавал вопрос, зная наперед ответ: «И как оно?» Булькающая в словах, они произносили что-то невнятное, но я не хохотал, а лишь ласково удивлялся их выбору. Странные, красивые, сильные, но вне себя и в не своей жизни.

По вечерам у меня был нервный диалог с мечущимся существом внутри. А вдруг не получится? Тогда я пролетал в своем скафандре из оптимизма все самые худшие воображения и долетал до сверкающих звезд самых светлых фантазий.

Я с радостью несся к их треугольникам рук и мечтал соприкоснуться с каждой не только тактильностью, но и словом. «Здравствуйте, я астронавт». Звезды звенели в ответ своими треугольниками, отдавая мне и провозглашая первым и последним в их жизни. Я ликовал. После возвращался с мечт на землю и засыпал сном младенца.

Однажды наконец приключилось. Все ожидания и бессмысленные рукопожатия стоили того. Я вылетел за круг своего существования и ворвался в космос с революцией

сердца.

Позже земля. Шум треугольников небесных и тех, что поднебесны. Я уже не ликовал, а просто ощущал соединение с моментом, в которое при рождении была заложена моя суть. И все же, знакомясь с новыми кожами, индивидами, обмениваясь типичными фразами и на вопрос, как оно, я улыбался и, глядя прямо под ложечку, произносил: «Фантастически».

Мир материализовавшийся. Невероятный, сбывшийся мир.

В жизни

Большой

Долгой

Прожитой и еще ожидающейся

Мне часто задавали один и тот же вопрос, но тут, откуда ни возьмись, уже не лапа, а настоящая изящная рука с твердым пожатием вымолвила: «Астронавт. Интересно! Опишите самый счастливый день своей жизни».

Заблестев всеми поглаженными в себя первыми звездами, я произнес: «Самый счастливый день астронавта тот, в который он влетел в свою профессию и осуществился на одной плоскости между планетами, о которых только мечтал перед сном. И о которых все еще буду мечтать перед самым долгим, конечным сном жизни».

Вредная привычка

Врачи говорят, что эта зависимость доведет меня до могилы. Затыкаю уши. Не слушаю. Берегу свой слух для более интересных вещей.

Я не собираюсь лечиться, кодироваться. Да, привычка. Да, зависимость.

С ней

Мне тепло

Солнечно на сердце

Мне, к счастью, не вредит

Вредит только вам

Спасайтесь от моих вопросов. Вопросов-пытток. Знаю все. Всегда.

Фисташковое мороженое с арахисовой крошкой зализываю. Откусываю. Она что-то рассказывает про вчера, я вчера неуклюже выпитываю, перемешиваю с усилителем вкуса. Передаю из рук в руки. Надо делиться. Надо раскрывать свои знания для других.

Высказываюсь. Про вчера теперь знает не меньше троих.

Колесо вращается. Колесо – не круг. Колесо – яичница. Шипит. Прыгаю в глазунью. Я ее плещу.

Врачи говорят, что эта зависимость доведет меня до могилы, а людей, попадающих в мое влияние, до преступлений. Я руки потираю. Что ж, лишь усиливается мой интерес.

Не называйте мою способность выведывать информацию и передавать ее из рук в руки дурным словом. Называйте это равнодушием.

О покойниках плохо не говорят.

Способ поделиться словами правды

Я бежала к нему навстречу через поле огненно-рыжих цветов. Он раскрыл свои руки, приготовившись к нападению моей нежности. Я бежала и улыбалась. Мы были влюблены в этот май и друг в друга. С каждым нашим объятием мы сливались в одно целое большое чувство.

Тут впервые, как это обычно бывает, появилась между нами преграда. На пути к нему я запнулась о какой-то корешок, торчащий прямо из земли. Это был не корень преткновения, а корешок книги. Я вообще-то люблю новые произведения, но мне больше по душе, когда я сама их выбираю, а не они меня.

Он подошел ко мне, выражая обеспокоенность за случившееся. Тревожась о том, в порядке ли я. Кивнув на всю его озабоченность и внимание, я показала ему книгу, которая стала виновницей происшествия. Мы сели на согревающую солнцем землю, скрывшись в цветах. Я раскрыла книгу и начала читать вслух.

Что-то странное руководило мной, я постоянно испытывала трудности перед чтением. Запиналась на ровном месте. Запинки стали триггером. Теряясь в предложениях, я пыталась верно передать интонацию, чтобы мой спутник понимал вес фраз чьего-то личного дневника. Глядя на его лицо, которое казалось слишком вдумчивым и заинтересованным,

я чувствовала нервные импульсы, разлетевшиеся вокруг нас.

Продвигаясь по абзацам, страницам, я испытывала накаляющееся напряжение. Сопричастность. Сопереживание. Густота событий и закрома тайн. Нужно иметь много смелости, чтобы поделиться этими историями не только со своими мыслями, но даже с листком. Нужно понимать всю ответственность, воспроизводя воспоминание в материальный, осязаемый мир.

Я задала ему риторический вопрос: «Какой урок ты вынес из всей этой боли?» И улыбнулась ему так, как улыбаются родители, прощая своих детей.

Он сказал: «Теперь я благословлен, я знаю». Глубоко вдохнул. И выдохнул, сбрасывая груз со своего настрадавшегося сердца. «Своей улыбкой ты спасла мою душу».

Теплый ветер цветущего мая проскальзывал между нами ароматом свежих растений. Солнце целовало наши головы, пока мы обнимали друг друга.

Принимая себя такими, какие мы есть, мы получаем принятие от других.

Освободившись, мы чувствуем, как что-то высшее несет нас на руках. Легкость. Легкость птиц вселяется в наши тела. Как приятно.

Дом для душ

Режиссирую. Снимаю фильм с большим количеством массовки. Площадка – большой дом. Сажу в машине у входа, телу в особняке свободно, но духовно слишком жмет. Камеры зрения у меня широкомасштабные. Начали. Мотор.

Обособленный от мира особняк. Хозяин держится особняком или его владения? Он смешной, с добрым сердцем и мягкой рукой, но с испачканными намерениями. Он умеет быть разным для всех, но старается быть разным исключительно ради цели. Это как обмен. Впечатление за впечатление. Душевный бартер? Не испытываю чувств к хитрости. Они глупые, еще не знают, что нечестный бартер. Тихо.

На сердце лето. Лето в горле. Лето в ноздрях. В садах. В машинах с опущенными боковыми стеклами. Лето в нас. Во всех нас. В любую погоду.

Мы – живущие. Момент.

Я знаю ее не так давно, но мне достаточно. Ее память сама мне все рассказала. Она нечаянно не прошла мимо его мягких рук. Сродни фокусу, он ее обманул. Она не опомнилась, пока я не ткнула носом. Кто ты? Ради забавы? Ложь. Не испытываю чувства к лгунам и ложным.

Обособленный от мира особняк. Десятки комнат. В каждой комнате у заложниц на руках по браслету, как у заключенных. Во имя отца. Колокольчик на шею.

Они улыбаются бессознательно. Сознательное стоит за дверью. Кашляет, мол, обрати внимание. С кем ты? И сколько еще?

Крокодилы ползут по коридорам и подслушивают разговоры. Как ласковые преданные зверушки, передают по слогам хозяину. Хозяин выглядит бездумным, когда в его мозгу лавы дум и на каждую свой капкан. Истинный Фламель², у которого вместо философского камня – молодые сердца.

Ее сердце слишком большое, тяжелое, горячее.

Я легче ветра, поэтому мне все равно. Вдыхаю лето, пока она, в образе жары, отдает тепло. После ее организм плачет. Сердце стучит тук-тук. И просится на улицу. Я показываю виват пальцами, пока она показывает за окном свое лицо.

У каждого несогласия со временем рождается план. Непроизвольно сначала вынашивается, а после невзначай устраивает атомные войны. Где бомбы – слова. А поступки трезвые – это то, что в договоре. Начеркано и уже не мелким шрифтом.

«Отпусти меня». Из ее рта в его рот влетал воздух.

Он молчал.

Пока думы протекали импульсы мозга.

Крокодилы ждут приказа и спокойно слушают.

Он молчал. Проверял пульс. Осталась где-то сотня. Что ж, одно биение, один удар, годом меньше, годом больше. По-

² Николая Фламель – французский алхимик, которому приписывают получение философского камня и эликсира жизни.

целуй. Пританцовывая движется к выходу. Виват. Не оборачиваясь простился.

Минус одна.

Я кашлем ее тороплю. Смотрю на других сознательных. Неполноценные. Навечно тут. Она садится ко мне на заднее сиденье. Я говорю крокодилу: вези. И рукой делаю одобрителный жест. Мы проезжаем лето. Оранжевый закат. Фиолетовый шелк. Падают с неба снежинки. Смотри, так выглядит снег. Девственный, обновленный, чистый.

Да, я всегда художественным предпочитала документальные фильмы.

В разные стороны

Пальцем правой руки я прокручивал глобус. Влево. Вправо. Мысли мотали меня вслед за пальцем по огромным материкам. Я улыбался, мечтая о дальних странах и величественных вершинах, неподвластных морям. Улыбался, замуживал глаза и выискивал пальцем особенные названия. Рок, судьба. Куда попаду теперь? Это как волей движения открывать книгу на любой странице и задавать волнующий вопрос. Восторг. Мы всегда интерпретируем вещи, с нами не связанные. Главные герои всюду. Везде. Пальцем указательным с айсберга на корабль, с корабля к людям. Пробую названия на слога, расщепляю звуки в воздухе. А-ааааб-ХА-зия... Юж-но. Бал-тийс-кое. Мо-ре. Я здесь сегодня. Там ходил вчера. Смеюсь. Кручу у виска пальцем. Палец, не указывай на меня, указывай на Аравию, Африку, Арктику, Сибирь, реку Волгу, Париж, поля голландские, амазонский риф.

И указывает палец, направляется. Улыбаюсь в ответ на смысл. Глобус вертится. Катится. В руках мир.

Неожиданно случаются, наступают. Люди радостно кидаются в идею, обтекая энтузиазмом, как смолой. Я захватил нажатием пальца слово. При-клю-че-ни-е. Застыл. Изумился. Перелистывал слова в чужих работах по географии. Слова этого не находил. Приключения прямо на карте. Вперед.

Гром раздался в моем шкафу. Я взял чемодан и аккуратно

но положил туда свои предвкушения. Бесперывный поток чувств, эстетических вожделений. Захват взглядом, как камерой, пейзажа лиц. В новой местности. В новом адресе. Вспышка. Щелчки. Энергия. Спешка. Из рук валяются вещи, руки не ощущают боли. Разве может быть боль у того, кто скоро настигнет мир.

Глобус запомнил взглядом. На плечи закинул рюкзак и с ноги отворил дверь в пространство жизни. Я иду, приключения. Я готов!

Влево. Вправо. Не чувствуя карты, не понимая жизненных путей. Не имея знамени. Компаса. Он пошел навстречу приключениям. И когда он бежал влево, приключения бежали вправо. Так они никогда и не встретились. Но глобус вертится, катится. Свершится ли круг от А до Б? Если у радости хватит воли для завершения. Если у радости хватит сил. Мой ответ – да. Может быть.

Поглощать

Я качусь с горок искусства по Помпиду³. Не понимаю ни в новом, ни в старом. Пальцами глаз захватываю красоту и прячу ее по своим карманам. Я не понимаю в искусстве ничего. Я неуч в постоянном учении. Мне важны только чувства. Их глотаю, как сок. Фруктоза пульсами в моем теле. Пульсация влияет на мозг. Незамедлительно опустошаю стаканы. Картины – настоявшийся грог. И то, что было по-русски, теперь иностранно.

Улыбаюсь, а надо плакать. Потребляю сперва. После больше, чем просто знаю, будут жрать меня. Резать ножами, колоть вилками. Создатель-зритель. Создатель-зритель.

Бегите на поиски. Порхайте по жизни, как я. На этом шведском лугу выбирайте все самое сочное. Будьте гурманами, потому что возле дряни обитают порой настоящие сочени.

Я качусь с горок по Помпиду. Уроборосом облачаясь, качусь по кишкам. Конечно, всегда надо рассматривать то, что жрали твои глаза.

Не боюсь ошибок. Булимия мозга – завершающий штрих.

³ Помпиду – Национальный центр искусства и культуры Жоржа Помпиду, деятельность которого заключается в изучении и поддержке современного искусства и искусства XX века в различных его проявлениях (изобразительные искусства, танец, музыка и пр.).

Чтобы не было отравления плохим искусством, гурман, правильно жри.

Вписываться

Они делились на касты и шагали вперед манифестами. Слабые отставали, обезумевшие погибали в пути, но так или иначе происходило действие, в котором нужно было при-мкнуть и вписаться, чтобы быть.

Я не люблю относить себя к определенной плоскости, к кем-то придуманным догмам, правилам. Мне не радостно запоминать исключения и вставать в ряды, чтобы шагать сплоченно. Знать, что на каждое возмущение есть порядок общественных норм. Так меня отбрасывало от моих несогласий, точно от батута, и кидало в группы определившихся.

В кастах любовались zeros, пока я разглядывала фон, на котором они корчились за свою обреченную систему ценностей.

Временами я попадала в интересные круги, которые чем-то затягивали и вдохновляли, но всем этим коротким промежуткам соответствовало горение одной единственной спички.

Так огонь появлялся и погасал.

«Быть» никак не получалось, тогда я приходила не к кастам, а к безликим и *небывалым*. Они ругали мир из каст. Я внимательно слушала, но также понимала, что среди всех этих лжецов найдется мир заветный, правдивый, мне подходящий.

Я не задавала вопрос, как прийти к тому или иному выбору, чтобы кричать ради действия, рвущегося из сердечного пламени (пламени, что еще не загоралось ни разу), манифест, за который не страшно руки сложить на груди и продлиться в вечности.

Губы мои не решались задать вопрос, но из глаз, неравнодушных к будущему, вываливались буквы поиска. Кто-то мимо скользящий их заметил и отобрал, засмеявшись моему сомнению:

Зачем вам вписываться, если вы сами ось?

Так, заточив себя в свою идеологию, я открыла сердце для всех желающих пойти со мной. Так слово чужое вселило твердость в свои убеждения.

Зачем ненавидеть чужие условия, если всегда можно создать свои? И быть твердым, непоколебимым в личностном манифесте всех глаголов настоящего и будущего. Прошлые поиски не отрицать, пусть будут незаметным фундаментом.

За одно воюющие – узнаются по одинаковому огню на своих мечах, который загорится при первом прикосновении стали, продолжится в глазах и никогда не погаснет.

Точка координат, координатные четверти и бесконечное распространение присоединяющихся чисел по оси ординат и оси абсцисс.

Социальная матрица. Какова будет ваша поведенческая модель?

По моим словам

Не брат, а настоящий сундук, в котором золото – многочисленные таланты. Пока он очаровывает души и захватывает сердца людей, я сижу в тени огромной пальмы и наблюдаю издали за его перформансами. Все думают, что я завидую младшему брату. В лицо мне улыбаются, а за спиной опасаются моего молчаливого неодобрения за их лицемерие, а за спиной шуршат фантиками из легенд о том, как будто бы готовлю план по умерщвлению настоящего гения.

Я плюю на вас, я плевал. Я слюни свои растрачиваю не на тех, присматривая за маленьким человеком, что мне дорог. Маленький человек, улыбка которого для меня важнее, чем ваше незнание о нас.

Версты назад, когда маленький человек научился ходить и оступался, он познавал камни вместо аплодисментов. Он травился и не выдерживал жестокосердия. Маленький человек вставал со мной рядом, а я, наклоняясь к нему со своим большим чувством, вглядывался в его глаза. Требовал: «Рассказывай». Он, изувеченный, молчал, наполняясь слезами невыговоренного.

Со спокойной житейской мудростью заглаживал ему раны и дарил слова, в которых не сказать, что была чистая правда, но была вера. По моим словам, как по карте, он шел смело, зная, что обретет клад. По моим словам он приобретал сво-

его гения. По моим словам он искал себя и, проходя пути, испытывая время, он достигал желаемого, чувствуя мою любовь и силу, что была всегда рядом. Он бежал, опережая линейку защиты. Он знал, что защита останется в двух шагах, ему всего лишь нужно обернуться, чтобы ее найти.

Из отсталого ребенка, который поверил в мою неправду, случился гений, признанный всеми. Гений, которого он себе придумал и о котором всегда мечтал. Достаточно верить, чтобы обрести дистанцию и перешагнуть границу.

А те, кто льют на чей-то чистый союз гадости, никогда не добьются высшего пути, потому что такие слова будто смола. Слова помощи – мудрый свет.

Забег

Каждому при рождении по крылу Гермес⁴ на сандалии.

Они заходят в вагон и рыщут глазами, как первоклассные ищейки. Куда бы сесть в этом транспорте? Есть ли свободное место? Поезд несется в жизнь. Всех раскачивает. Заняты черт-те чем. Улыбаюсь, блуждаю в пространстве, точно пьяный самолет, залетевший в наземный транспорт. Поезд катит тела по маршруту опасному. Поезд устремляется вдаль. Поезд знает конечную станцию, но знают ли они? Пассажиры. Прячут лица в принадлежности, карманы, сумки, шарфы. Прячут пальцы в кулак. Задумчивые. Закрытые. Будто едут не вперед, а назад.

Не называется путешествием сидение. Не путешественники те, кто перемещают свои тела, но не смотрят хотя бы на пейзаж за окном. Не путешественники те, кто цыкают и не рады тому, что дано природой и прогрессом.

Путешественники благодарны.

Они заходят в вагон и бьют по всем энергией силы.

Шагая размеренно, твердо. Сила вся в ногах.

Путешественники не рыскают, они уверены в том, что лю-

⁴ Гермес – в древнегреческой мифологии бог торговли, прибыли, хитрости, разумности, ловкости и красноречия, дающий богатство и доход в торговле. Покровитель магии, алхимии и астрологии. Посланник богов и проводник душ умерших в подземное царство Аида.

бую дистанцию выстоят.

Выстоят.

Пройдут.

Пробегут.

Вскарабкаются.

Сила ног – настоящий дар.

Тот, кто рыскает, намеки на упрощение, а нужна ли сила вам, что была дана?

Все, чем не пользуетесь, за что не благодарите, будет отобрано и передано тем, кто не прячет лица² и идет открыто странником, путешественником. По земле. Или над.

Кто не сможет идти, того Гермес понесет на своих крыльях до царства Аида. С бегущими Гермес будет соревноваться в смехе и радости, Парс Фортуны сдвигая на восьмой дом⁵.

⁵ Парс (колесо) Фортуны олицетворяет собой успех и отсутствие проблем. Иное его название – Точка Счастья. Астрологические дома или дома гороскопа – в астрологии это сектора эклиптики, в общем случае неравные между собой, характеризующие в гороскопе различные сферы жизни и проявления человека или объекта, для которого составлен гороскоп.

Фонарь, озаривший пространство

Иногда, бывает, идешь по улице. Чаще всего, конечно, это случается зимой и чуть ли не в крошечных потемках, когда мозг возбужден от морозной свежести и мысли прыгают туда-сюда. Так вот, шагаешь себе по хрустящему, девственному снегу и нащупываешь ногами устойчивое положение, вдруг вспыхивает фонарь. Да как это ярко и красиво! Вся тьма пораженная искажается и сворачивается уроборосом вокруг пусть и неестественно природного, но светила. Случается, то ли от слишком сильного потока энергетического всплеска, то ли от технических неполадок, что фонарь начинает мигать. И ладно, если мигает! Лишь бы не погас. Как здорово наблюдать снежинки, пританцовывающие на свету, как изумительно видеть это теплое пятно в холодном мире ощущений зимы. Нервное мигание будто бы освещает всю меня. И точно свет уже мною движет, а не индивидуальное самосознание.

Иду, радуюсь. Мелочь, а так приятно. Прохожие шагают вокруг да рядом и глаза выкатывают в мою сторону, я непроизвольно улыбаюсь им, но бездумно проскальзываю сквозь весь этот эшелон незнакомцев. Нечаянно мои плечи врезаются в их углы, я из своих мыслей на секунду выпадаю вместе с извинениями о задумчивой неуклюжести телес. В себя падаю обратно. И вижу, как в крошечных потемках мои ру-

ки спешат за ногами и светятся, как тысячи лун. Смыкаю их в восторженном испуге и кладу ладони на сердце. Светится. Свечусь. Но не просвечиваю. Озаряюсь чем-то новым, мне неведомым. Смотрю на снег, тот от моих следов освещается сам. Деревья, небо.

Я – теплый фонарь. В голове моей мысль. И все ей озарилось, сначала я сама, после мир, весь мир, окружающий меня. Мигание страстное – знак во тьме после долгой непроглядности. Смотрю ясно. Испытующе. Готова делиться мыслью и создавать. Пусть остальные фонари зажгутся от моего электричества, мне не жалко. Этого внутреннего света хватит на всех. Зажгитесь от моих ламп и осветите путь другим. Пусть это мигание стеклышек не прекращается, а снежинки, что вальсируют к озаренному, будут нашими событиями. Пусть не тают до того, пока мы не успеем их испытать и наградить прожектором импульса радости, разливающегося по телу, как лимонад. Очень вкусный напиток эмоций неподдельного восторга и предвкушения нового.

Прежде всего в людях нас привлекает энергия.

На поиски волнам

Фехтую.

Они презирают пирата, что мирно плыл на корабле. Они, благородные леди и джентльмены, проносили свой корабль рядом и то ли из неприязни, то ли из невоспитанности изобрели про меня неуместный жест. Моя мачта ловит гранату. Чертовы ублюдки подрывают деревянный пол, чтобы спустить меня на ту плоскость, где пола нет, есть только дно и общество крабов, высота камбалы.

Я мирный мореплаватель, любящий птиц. Птиц своих не держу в неволе: летают тут и там и радуют слух и глаз. Птиц своих берегу, как будущее золото, и если пострадает хоть одна...

Ждать долго не пришлось. Ранили самую яркую, что моя любимица. Кровь за кровь. Фехтую. Подрываю. Разношу на щепки. Прими, океан жизни, тот дар, что сам напросился на неизящную участь.

Хождение по мукам – круг. Всего лишь трусы, боящиеся перемен. У меня нет круга. Все или ничего.

У масс, не признающих новое время, есть лишь «древние» позиции. Не покушаюсь на старое, не граблю, не расхищаю. Я лишь мирный мореплаватель. У меня по палубе летают птицы славные – попугаи слов. Нападете хоть раз, и мыслей своих от меня уже не спасти. Я оперением их захвачу.

Омываю чаем шпагу. Пересчитываю птиц. Благодарю душевный компас за правильный путь. В бинокле не вижу оппонентов, чей злостный язык привык изображать мне судьбу фехтующую, разбойную. Глупые. Я пират, а по-гречески пиратство – поиски счастья.

Золото моментов кладу в сундук сердца. Устремляюсь вдаль.

Не прячься за свои отрицания

Они ненадежны.

Имея вместо языка гремучий хвост, что сокрушается в дискуссиях о вере и воспеваает атеизм. «Не верю! Яростно не верю!» Ты верующему твердишь. Доказываешь сумасбродства слепотатство, по факту – святотатство для него. Ты снаряжен дыханием дракона и тигра хваткой оснащен.

Кипишь кастрюлей, где слова – вода.

«Не вытекай из берегов спокойствия», – мягко ответит оскверненное лицо.

А ты в ответ гремишь своей посудой. И для кого?

Ты прям и горд. Сила откуда эта страстная в тебе? Из знаний? Или из исканий? Может, из бед? От воспитания? Судьба бежит по нас легким фриссоном. Моменты радости, игры. На сердце звезды. В руках море. Любви. Алхимия-судьбы. Судьба-котенок. Мурлыкает с запутанным клубком и иногда, нечаянно вонзает. Пронзает боль. У болезных порогов грани разные. Не каждую царапину возможно зализать. Есть те, что обретают формы страшные. Их знать навечно. И впредь поминать.

* * *

Он укатился, он почти сорвался. Он нитками цепляется за

сонм. Реальность – это пропасть настоящего. Сонм – облако.

И Он

За облако мысль к Богу посылает,

Он пишет через подсознание письмо:

«Иезус, Мария, Йозеф, Дева святая и святой ангел. Отец

Бог. Помоги. Я твой сын, я у края...»

Яблоком самосознания из райского сада скатывается послание:

«За бога не прячься, выставляя червивый свой плод, за веру,

Ибо по нашим идеалам дано будет нам».

Подпись: Бог

* * *

Просите искренне, и дано будет вам,
Не научены искренности, ищите сами.

*Я убеждений вам своих не выверну.
Как знать, карманы ль не пусты?
Смешон мне тот, кто Бога отрицает
И верует в него в момент беды.*

Экспедиция на дно

Мы погружались на дно по собственной инициативе. Запасаясь всеми атрибутами для экспедиции в самый низ, в зловещую пропасть по маршруту, с которого возвращаются лишь единицы.

Мы. Храбрые и вызывающие легкое неодобрение. Мы. Ускользящие и убегаящие от простоты, ловим заманчивую разность. Прыгаем с сачком за бабочками неприятностей и впадаем в передряги, в которые не попадают даже алкоголики и наркоманы, мы – бестолковые и безбашенные, стремящиеся все узнать, почувствовать, попробовать, переиначить, а после рассказывать да так, чтобы у слушающих дух захватывало.

Мы – живые. Мы – гимн. Мы – мир.

Я кладу руки на сердце, вскидываю к небу, а после прыгаю в самый низ. Ты за мной бросаешься в объятия дна. Но как до дна дотянуть тому, кто прыгает в нарукавниках? Ах! От твоего безумия только слово. Я машу тебе на прощание ластами, как рыбьим хвостом. Целуй сушу и будь доволен. Ты визжишь, как девчонка от злости, ты кипишь и свистишь, как металлический чайник, сбрасываешь нарукавники, проглатываешь ярость в горле, она генерируется по пути твоей глотки в зеленый нектар и протекает в сердечную мышцу. Воодушевленным, поборовшим страх, ты плывешь за мной

и чувствуешь жизнь трезвонность, по венам текущую.

Дно. Ступни идут по пескам, наступают на камбалу. Разум чешется. По телу бегут мурашки. Я смотрю в призму и вижу соседнее дно, на котором много костей.

Люди не всплывшие. Бездыханные. Захлебнувшиеся в полете вниз.

Я смотрю на тебя, отталкиваюсь пятками и возвращаюсь в мир.

Рыбы на прощание пускают нам пузыри вместо пожеланий на удачу.

Где-то в костях трещит:

Захлебывайся

временами года

счастьем

любовью

захлебывайся

ныряй на самое дно

вбирая воздух

из волн и соли

захлебывайся

если твердо знаешь, что потом всплывешь

захлебывайся

откачают

не откачают, откачаешь сам.

захлебывайся, пока не скажешь: «Я жизнь познал, я всю жизнь познал».

Охота

Притворяюсь, что не вижу. Иду, насвистываю. Глаз один замуриваю, вторым невзначай ловлю ее. Ах, вертехвостка! Ах, вертекрылая! Не дразни меня, я до тебя хоть рукой. Будешь потом моей, несвободной. Посажу тебя в роскошную клетку из настоящего золота. Ну же. Подлетай ближе. Ну же. Или лети от меня за сто городов.

Летишь за мной, красивая. Я бы преследовал тебя, если бы ты сама не напала на мой след. Что ты высматриваешь, внимательная? Спрашиваю единожды: кто тебя послал? Не дразнись предо мной. Я таких, как ты, стаями. Прижимал.

Надо мной кружишь. Ладно, знаешь ведь, особенная. Меня манишь, не отпускаешь, но не сдаешься мне. Истинная женщина. Описать тебя словом и... руками отнять себе.

Я тебе улыбаюсь своим желанием, своими мечтами, воображением. И ты вообрази свои возможности, если мы прильнем друг к другу на этом пыльном пути.

Не разбрасывай свои перья, не щекочи мои чувства.

Я искусство.

Ты искусство.

Шагай ко мне.

Я широк на поступки и в сознании густо. Будь моей.

Птица, птица.

Надо мной кружится.

Не бегу за ней. Отвернется, и я, как охотник, брошу свою сеть.

Прежде выстрелю в нее взглядом. Пусть псы мои схватят, слетающую на поверхность моих ног, за горло и несут ко мне. Аккуратно. Не умертвляя. Мне она живая нужна. И скорей.

Пока желание горячо. И шаги легки. Пока во тьме не ужасно мое преступление. Я с рассветом расскажу о ней. Миру. Сейчас мне нужно. Время.

Птица – мысль.

Кружит. Ласкаю кокетку взглядом и словом. Она сейчас надо мной, но вскоре будет в моих оковах. Золотая клетка ума моего, бесценных извилин. Я тебя обязательно. Рукой, пусть даже силой.

Кисть художника занесена над мольбертом. Друг без друга никак. Мы вместе – боги. По отдельности – смертные. Падай на мои колени, сиди у меня на руках.

Мы вместе – новый мир. Мысль желанная, нам не быть нельзя. Предвкушаю тебя нетерпением. Будешь моей. Кружись, птица. Я твой жадный зверь.

Спортивное мероприятие

Внешнее проявление или же внутреннее осознание. Смех души, хохот толпы, торжество, победа! Моя душа кричит, а перед глазами – пелена.

Поле боя. У соперников не просто спортивный интерес, а желание доказать силу сильных, слабость слабых. Вознести себя до небес, втоптать в землю недостойную сторону.

Я здесь в качестве журналиста и беспристрастного зрителя, в блокнот записываю и жду завершения битвы, чтобы взять интервью.

Толпа нужна для того, чтобы сохранялась торжественность выигрыша. Если нет толпы, тогда тихий смех души, обращенный вовнутрь, бессмыслен. Судьи нужны толпе. Настоящим сражениям не требуются судьи. В настоящих сражениях идут на вы и не просто идут, а доходят и наступают.

Сегодня у кого-то сбудется мечта. Сегодня у кого-то мечта разобьется. Мяч упадет в корзину, кулак заведет в нокаут, ракетка выпадет из рук, шайба залетит в ворота. Это спорт. Это жизнь.

Люди думают, что в игре всегда двое: побежденные и проигравший, но нет, самая главная категория – зрители и их интерес.

Я записываю в блокнот что-то с умным лицом и делаю вид волнительный, но по сути, мне все равно.

Соревнующиеся сражаются. Летят искры взгляд на взгляд. Временами они посматривают на зрителей, чтобы ощутить заряд, мотивацию, электричество. Зрители не хохочут и не шумят. Замерли. Ждут секунды конца.

Кто? Кого? А?

Я рисую в блокноте рожицу. Я – зритель. Я – судья. Я – выигрыш. Я – интервьюер.

Команды ко мне подходят и спрашивают, у кого возьму интервью? А мне, если честно, и те и другие противны. По воле жребия, хоть ты. Ликует чемпион, подрывается на восторженный всплеск.

Соревнующиеся не только ради спортивного интереса, осознаете ли вы, что даже в радости победы не всегда стоите выигрыша, но всегда ли выигрыш стоит вас? Ошибается тот, кто думает, что ответ – да.

Путешествие на льдине сердца

Вначале был холод. За холодом – привыкание. Человеческий организм приспособливается практически ко всему. Кожа приняла мороз легче, чем разум. Он, испытавший шок, еще долго не мог примириться с правдой. В одиночестве, в раскатывающем молчании, судорога от потрясения постепенно проходит и переходит в монотон. Спокойно. Прямо. Бездушно. Ровно.

Иней, сугробы, лед.

Мне на своей льдине жилось отлично. Даже в холодных пещерах можно создать уют. Скульптуры высечь из глыбы.

Любоваться замерзшим миром, застывшим, неторопливым, но еще зачем-то живущим и деятельным.

Кровь бежит подо льдом.

Некоторые выстраивают иллюзии тепла, вышивают ситуации на пальцах, но без наперстка. Укалывают пальцы. Кричат «ай», а потом, после искусственно вызванного чувства, смакуют боль весь день, рассказывают друзьям, улыбаются зараженно, стучат челюстями от страха, целуют грань.

Ловлю белый цвет и нахожу разноцветие. Белый, как и черный, съедает цвета, потом не разглядеть, что тут было.

По холодному миру звенит эхо смеха, нервного и лирического. Я поддаюсь настроениям, тоже смеюсь. Устремляюсь глазами в небо и черчу линию от верха до низу. Вижу реку. Опускаю палец. Морозная. Закидываю свою льдину. Стремлюсь по течению. Несет. Уносит. Закрываю глаза.

Мироощущение подозрительно.

Через какой-то промежуток времени просыпаюсь. Жжет разум. Касаюсь макушки. Напекло. Раскрываю глаза. Ускоряю пульс из-за неожиданности ситуации. Льдина тает. Сейчас провалюсь, захлебнусь, носом встречу с дном и не смогу всплыть, захваченная холодным объятием. Льдина трескается. Кричу. Помогите! Кричат птицы в ответ и уносят крылья. Проваливаюсь в течение. Теплое. Разгребаю воды руками. Что-то тянет ко дну. А! Скульптурки в кармане. В первом и втором. Достают груз, без сомнения с себя сбрасывают.

сываю воспоминания вниз. С облегчением восторгаюсь. Живу еще. Вздрагиваю. А берег где? Вздрагиваю. А что за корабль хочет меня потопить?

Я от него в обратную сторону, он за мной пяťась. Сейчас захлебнусь от ужаса.

Эта мощь на меня катит, подхватывает якорем и уносит с собой.

Подставляет меня под солнце капитан пиратского корабля. Спрашиваю: «Вы зачем меня похитили?» Отвечает: «Чтобы ваша дрожь прошла». Задаю: «Вы зачем меня оттаяли?» Сердце жмет. Сейчас упаду.

Командир корабля улыбается. Хватаюсь за палубу. Глаза закатываю.

Не падаю. Стучит. Горячее. Громкое.

Оттаяло. Улыбаюсь. Вижу берег и первый цветок.

Стремление к идеалу

Он был влюблен в звездное небо. Ему нравилось изучать, как все устроено в этой сети Млечного Пути, до которой невозможно было дотянуться рукой – только взглядом... Когда-то ему подарили телескоп, и тут вспыхнуло.

Через толстую линзу он смотрел на звезды, которые дрожали от соприкосновения с его взглядом. Ему казалось, что он их поддерживает ресницами, так, на всякий случай, и именно это не дает возможности далеким и светящимся нарушить неземную красоту.

Но среди дрожащих и сомневающихся всегда была звезда, которая светила ярче остальных, и даже при самом сильном ветре космической пыли не перемещала треугольники своих звезд. Он верил в эту звезду, потому что считал ее особенной. Ему казалось, что от ее стойкости зависит весь космический порядок и вся хрупкость космоса. И на самом деле будто бы это она, а не его устремленные в небо ресницы поддерживает паутины сети.

Иногда главная звезда разрешала маленьким звездам падать с неба, когда те находили человека, которому хотели бы подарить желание. Встречаясь глазами с землянином, они скользили из темноты космической в темноту человеческую и посвящали себя одному-единственному полету-горению. Бывало, обманувшись, звезды напрасно падали, ослушав-

шлись наставления главной звезды, очаровывались не теми, и не было радости в их самосгорании, только боль.

Мальчик верил в свою особенную звезду. Большая звезда знала, что это ее землянин, но упасть ради него она не могла, потому что звезды мудрые и не падают и не дарят желаний. Они разрешают лишь любоваться собой издалека. И он был терпелив к такому положению. Мечтая когда-нибудь отправиться в космос и коснуться ее ослепительной красоты.

Шли годы. Всякому надоест смотреть на то, что неподвижно, точно давно умерло. Он реже обращался к телескопу, занимаясь своими земными, важными делами. Звезда, что была в него влюблена, тосковала по своему землянину. Звезда чувствовала не звездную боль, а боль, равную человеческой. Ей хотелось упасть в самосожжении, но она не имела на это права. Звезды настоящие не падают, они исчезают. Тогда звезда исчезла, оставив на своем месте лишь пустоту.

В ту ночь, когда уже не мальчик, а мужчина, стал выискивать через толстую линзу расстояний свою звезду, он пришел в ужас, который отозвался болезненным чувством в груди. Звезды на небе перемешались и дребезжали своими треугольниками в разные стороны, устраивая звездопад из смеха и радости. Бардак. Он искал свою особенную звезду. Он соорудил для нее ракету из мыслей с посланием о скорби. Каждый день, с наступлением темноты, он рвался к телескопу и выискивал ту особенную. И в один из дней ему повезло, он нашел след, на месте которого раньше светила ему она

с высоты своего блеска. Послав путь из надежды на ее появление, звезда стала постепенно проявляться. Это было ему прощение.

Каждый заслуживает второго шанса перед своим идеалом. Каждый должен быть терпелив к своему идеалу. В вере, доверии и стремлении к нему. На то он и идеал.

Дистанция

Перешагивая за черту, я теряю ощущение страха. Старт! Без оглядки бег. Спринт. Трасса. Пятками раскаляю холодный асфальт. Бегу и не останавливаюсь. Мысли вместе с ногами несутся опять. Я бегу. Совмещаю спринт и бег на выносливость. Никаких эстафетных палочек не передам. Это мой забег, мои легкие. А впереди – мой финал.

Оставляю позади пройденное. Подпускаю к себе опыт. Воспоминания в мешке из памяти не волоку. Перепрыгиваю через преграды. Радуюсь. Бег превращается в высоту.

Я лечу над городами, стаями. Точный, спланированный самолет. Разрезаю воздух руками. Оборот. У себя же спрашиваю: сколько силы в легких? Сколько страсти в моих ступнях? Тело – бога, разум – воина. Меньшее – не для меня.

И спешат мои ноги вовсю и в полную. Мысли обогнав. Но какой-то камень то ли словом, то ли действием сшибает с плацдарма. Разбитые колени. Время. Терпение. Но я не сдамся. Никогда.

Вот он мир. Оглушенный из-за топота моих шагов. Вот он, мир современных, смотрит. Удивляется, не успевая за мной.

Я пробегала истории прошлого этого мира, я каждый камень толкала под суд. Я любила. Я люблю. Я пробежала новое этого мира. Обогнав свой инновационный век. Я не понимала и не любила, после принятие. И вновь бег.

Зажившие коленки. Я не сдамся. Новая линия. Испытующих страх – восторг. Площади, судьи. Сто шагов, миллион шагов.

Никаким камням не под силу сбить меня навсегда с дорог. Разгоняюсь и с новой силой пробиваю свой потолок. Если мне понадобится передышка, я сама себя остановлю, чтобы рассмотреть окружающее, улыбнуться и опять продолжить свою игру.

Игра в дистанцию.

Старт объективен.

Финал открыт.

Но закрытие будет, только тогда будет, когда кончится дистанция – жизнь.

Страсти

Подаренный мир

У меня поселилась птица.

Весна ворвалась в мир. В раскрытые окна моего дома ворвался чистый свежий воздух. Теплый ветер указывал птицам видимый только их внимательному взгляду путь в наши края. Природа просыпалась, оживала. Улыбки облегчения нас настигали, и мы сдавались им со всех подступивших сил.

Одна маленькая хорошенькая птичка каждое утро прилетала к окну моей спальни и разглядывала мой утренний ритуал. Она чирикала, а я называл это робким пением. Кормил ее крошками от пирожных и улыбался ее звонкости, озорству, естественности и таланту. Разговаривал с ней на своем языке, она отвечала мне что-то по-птичьи. Я расценивал это как глубокую симпатию, потому что она прилетала каждый день. Улетая, птица не оборачивалась. Вырисовывала в воздухе поцелуй и пропадала в неизвестном направлении.

Вечерами я тосковал по ней. Испытывая страстное желание любоваться, наслаждаться ее легким, почти невесомым присутствием. Я решил заслужить ее доверие. Приручить.

Крошки от пирожных превратились в настоящие куски.

Птица лакомилась, а я наслаждался процессом кормления удивительного существа. Постепенно, перебирая маленькими лапками, ерошась от прикосновения моего пальца, распуская свой хвост, она научилась залетать дальше моего подоконника и прыгать на мое плечо. Я даже разрешал ей забираться на мою голову. И смеялся ребячески, обретая покой.

Я решил сделать свой дом ее домом. Но в пристанище, в месте моего обитания, проживало много людей, и на некоторых птиц у постояльцев была аллергия.

Не имея возможности оторвать свои мысли и сердце от моей птицы, я покинул свой старый дом и обрел новый. Я сказал птице, что теперь это и ее дом тоже. Она прокружила в воздухе что-то красивое и осталась со мной.

Днем я уходил по делам, птица имела возможность летать по своим приключениям и возвращаться к моему приходу. Со временем птица пренебрегла своей свободой и моим доверием, позволяя себе возвращаться позже. Я не подал виду, побоявшись ее спугнуть. Один мой приятель, ради моего душевного равновесия, предложил мне приобрести большую красивую клетку. Он сказал, что птицам клетки заменяют гнезда. Я посчитал эту идею нечестной по отношению к своей маленькой, звонкой любви, но, будучи человеком рассудительным, склонил свой выбор в сторону безопасного положения.

Клетку я поставил в спальне. Она была настолько большой, что туда поместилась даже моя кровать. Я взял птицу

в руки и запустил ее в целый мир, который я создал специально для нее. Она стала биться в бешеной истерике, ударяясь крыльями, разрывая нежное горло криками боли от осознания моего предательства. Я ожидал такой реакции, но знал, что стерпится. Слюбится.

На ночь я закрыл клетку изнутри и лег рядом с ее уставшим тельцем. Мы уснули вместе. Я не хотел думать о том, что будет дальше, но, по крайней мере, она была рядом и я был спокоен.

Утром, открыв глаза, я увидел, что птицы рядом нет. Она сидела на подоконнике, держа в своем клювике ключ. Сбросив ключ за пределы окна, она посмотрела на меня в последний раз и улетела. Ни разу не обернувшись.

В исступлении я вглядывался в прутья, через которые она смогла просочиться. Я вглядывался в прутья, в радиус которых был заточен.

Я вскочил с кровати, стал дергать за железки ставней, бить кулаками, пытаться просунуть голову. Я разбежался и ударился о перегородки. Падал на пол. Я выл по-звериному. И ревел.

Оставшись лежать на полу, я так и не смог поверить в происходящее, рисуя невидимыми чернилами пальцев на дне клетки разбитое сердце. Моя милая, бессердечная птица, я подарил тебе целый мир, чтобы ты летала только со мной, а ты оставила меня одного в этом мире.

Игры из песочницы

В этой песочнице у каждого были свои игрушки. У кого-то совсем новые, у кого-то старые, потрепанные, но так сильно полюбившиеся, что не было никакой сердечной возможности променять их на усовершенствованную и последнюю модель.

С раннего детства у человека появляются личные ценности, вкусы, приоритеты, симпатии, которые отражаются на дальнейшем выборе при той или иной ситуации. Повезло тем, кому родители подавали хороший пример в этой тряске становления и формирования. Повезло тем, кто, получив первые впечатления, потом сам себя воспитал.

Девочкам, не по шаблону, а по традиции, больше нравились куклы, игры в дочки-матери. Мальчикам, не по шаблону, а по традиции, больше нравились машинки, чтобы устраивать гонки между собой. Дети, сидя в этом квадрате с песком, как в отдельном для них созданном мире, общались, передавая друг другу первые драгоценные впечатления, идущие прямо от сердца.

Их модель игры показывала, кто ведущий, а кто ведомый. Они даже не представляли, как сильно выбранные игрушки повлияют на их дальнейшую судьбу. Впрочем, любой выбор влияет на ход событий. Это называют эффектом, пусть не послания, но жизни.

В каждом обществе есть обделенные. Даже в выдуманном и обособленном мире найдется тот, кто не смог приложить усилия перед будущим, тот, кто не смог найти способ получить удовольствие здесь и сейчас и удовлетворить настоящий момент. Кому-то игрушки просто не покупали. То ли не было денег у родителей, то ли отсутствовало желание осчастливить свое же дитя. Так рождается неосознанная боль, чувство несправедливости, а после агрессия.

Детей обделенных тоже заводят в песочницы. Рано или поздно все туда попадают. По традиции, а не по шаблону, агрессия сопровождается наглостью, в таких случаях дети, не имеющие игрушек, начинают отбирать игрушки других. Простодушные игроки, пострадавшие от агрессивных игроков, не привыкли к несправедливости, и в глубоком непонимании, как себя защитить, устраивают в выдуманном мире громкий плач.

Нужно быть приспособленным ко всему и в то же время воспитывать, возвращать доброе сердце. Мы рождаемся с пустотой. Человек не рождается злым или добрым. Чем нас наполнили, тем продолжим наполняться мы сами.

Квадрат из песка. Все играют в этом выдуманном мире. Игрушки – мечты. У кого-то большие, у кого-то маленькие. И всегда есть тот, кто готов чужую мечту отобрать. И когда он придет, будь готов выстоять и защитить все свои стремления и желания.

Архитекторы

У нас на двоих был один проект. По завершении он плавно перетекал в другие, более масштабные, намерения. Я и он – ведущие архитекторы. Слава по сооружениям, что мы возвели совместно, разошлась по миру быстрее, чем мы успели ее осознать.

Мы улыбались своим творениям. Они были нам вместо детей.

Здания воспоминаний для того, чтобы в них ютились осуществленные события. Заборы личных границ, чтобы оберегать свой мир как интеллектуальную собственность. Мосты. Мосты были самыми блестящими среди наших построек, потому что их мы прокладывали как мечты над морем бушующей жизни.

Быть архитектором – это смело. Нужно осознавать эту власть, которой прибиты твои вольные руки. Невнимательность и просчет могут пролить в бушующую жизнь литры крови.

Мы были предельно аккуратны во всем, к чему прикасались наши мысли и карандаши. Эта профессия являлась нам по плечу. Называя друг друга катализаторами всех сильных, мы проектировали новые сооружения.

Я продолжала рисовать мосты, пока он увлекся новым направлением. Огромные небесные корабли захватили его

руки творца, как воздушные террористы, и унесли от меня вдаль. Газеты писали, что мы все еще проектируем вместе, но это было не так. Правда оставалась в тени.

Его невероятные самолеты летали гордо и высоко. Очень смело проносились над моими мостами, будто бы назло заземляя перед ними свой лет, чтобы я могла разглядеть и, вероятно, восхититься его талантом. И я восхищалась тем, как предатели бывают грязны, когда поднимаются в небо, и как не видна их грязь нам, простым людям, с земли.

Топливо заканчивалось, и ему с высоты своих достижений приходилось спускаться. Когда он приходил ко мне, то вместо обсуждения сложных устройств этого мира мы вели односложные диалоги о существовании. С этого места меня по-настоящему стало штормить.

Я тайком выкрала чертежи его самолетов и стерла пару существенных деталей. Исходом послужило тыканье пальцем общества в его талант, но я также не сберегла свое имя, потому что значилась с ним заодно. Мое имя меня не беспокоило. Я в своей профессии стремилась к созданию, а не к тщеславию, а он...

Он решил мстить моим творениям. Бам! Запускал бракованные самолеты предательств в мои мечты. Бам. Бам. Невинные жертвы с моих мостов падали в воду. Я презирала его выстрелами ненависти из горла и глаз. Его руки раздавались агрессией и огненной силой. Тогда я бежала, разбрасывая гранаты из слов по нашим зданиям и заборам, тогда

я разрушила все, спасаясь от этого альянса, но забыла, или хотела забыть, о наших мостах. Он решил мне напомнить.

И, сжигая друг за другом по одному перепутью, мы стремились к логическому завершению. Остался последний. Мы как раз стояли на нем. Брать на себя ответственность никто из нас не решался, тогда я использовала свой ход:

– Может быть, ты и не архитектор вовсе, раз не смог мечтать чисто и честно. Раз не смог воплотить большую мечту, прикрываясь моими талантами и способностями. Пони-маешь, архитектура, как и любовь, слабым не по плечу.

Я была смертельно напугана, но улыбалась в безумии сделанного укола, он улыбался в ответ, поджигая фитиль. Бам.

Провалившись в реку жизни, обессиленные, мы стали захлебываться в ее течении. Мы. Нас. Больше нет.

Так был разрушен наш последний мост.

Мошенник

Угрожающе-принудительно они повели меня по темному коридору, вдали которого просвет, к сожалению, не выступал ближайшей перспективой. Мы уперлись в стальную дверь. Они нажали на звонок, висевший на стене. Через минуту дверь открылась, мы вышли в нее, и меня ласково посадили на стул перед важным человеком с ясным взглядом. Он был настоящим джентльменом и потому представился. Передо мной стоял распорядитель казино. После чего выяснилось, что меня обвиняют в мошенничестве.

«Как? Меня?» – возмущившись, я воскликнул.

Непроницаемость ясного взгляда оставалась прежней. Он улыбался мне в молчании, а когда начинал говорить, его речь казалась настолько твердой, острой и убедительной, что я сам стал верить в его неправду. Конечно же, это была неправда. О каком мошенничестве может идти речь, если вся афера была воплощена лишь в моих, недоступных их головам, мыслях. Распорядитель настаивал. А я восклицал и уже чуть ли не смеялся в театральной истерике. Я был чист, как небо в день его творения, и какой им всем черт, что припрятал я в рукаве, на минуточку, не пиджака, а разума.

Иногда люди, при свержволнении, действуют быстро, необдуманно. Иногда люди не ведают, что творят. Это состояние аффекта. Состояние, в котором можно совершать,

а после не помнить. Под давлением его ясных глаз я засомневался в себе. Я стал думать, что обманулся в доверии к собственной памяти и в верности своим рукам. В моей голове обрывками появлялись картинки, в которых я мог облапошиться. Руки мои слегка тряслись. Во рту кончилась влага. Я хотел сглотнуть слюни, но увы. Так сухо.

«Признавайтесь», – настаивал голос. «Не в чем признаться», – отвечал я.

В неопределенную, но долгую секунду меня постигло самообладание. Я решил наступать им на пятки их же предьявлениями. Я почувствовал в себе силы к тому, чтобы обыграть. Это же казино. «Доигрывай», – билось в сознании.

Сначала получалось неубедительно. Будто бы даже вопро- сительно. Но когда его ясный взгляд впервые за наше зна- комство изобразил сомнение, я стал четче и громче. Язык жегся об речь, подступающую из ниоткуда.

«Блестяще сыгранное недоразумение! Это вы мошенни- ки! Это вы хотите уличить в невозможном самого честного из честных игроков! Это вы забавляетесь фальшью, нападая на слабых и открытых к миру. Это вы, вы, вы». Я не прекра- щал до тех пор, пока окончательно не достал распорядителя и тех, кто привел меня из зала казино в этот прелестный ка- бинет переговоров. Они выставили меня за дверь и сказали больше сюда не возвращаться. Я выдохнул. Мне все сошло с рук.

Спустя пару недель мы с моими друзьями выпивали в ба-

ре. Как это обычно бывает, к друзьям присоединились друзья друзей, с одним из которых я душевно дегустировал высокоградусные напитки. Тут выяснилось, что у нас одна страсть – казино. Мы рассказывали друг другу множество забавных историй, когда вновь дошла очередь до него, он стал рассказывать мне про своего брата, распорядителя некоторого казино, в котором он дурачит игроков, придумывая им грехи. Игроки, как ни странно, с ними соглашались, но недавно, по его словам, приходил какой-то болван, который их раскусил. Выходит, и не болван вовсе. Он засмеялся, протянул ко мне стакан, чтобы чокнуться, а у меня в этот момент отпало всякое желание пить. Моему возмущению не было предела. «Скоты, мошенники», – подумал я и ушел в свои мысли.

Лимонад

Она была по-настоящему красива. Талантлива в своем кокетстве. Загадочна. Магнетически притягательна. Размахивая передо мной своим лисьим хвостом, точно белым флагом, она вверяла мне некоторую власть, которой я решил следовать, ведь она совпадала с моими инстинктивными желаниями.

Поскольку она отвечала на все мои действия сладким фырканьем, я наступал на нее в открытую, как преступник, маньяк, который не боялся быть пойманным, потому что жертва – мазохист. Какая удача! Я варился в усладе, которую она создавала для меня, будто бы в специально оборудованном котелке. Я глотал сок экстаза, с каждым днем заходя все дальше, перешагивая историческую черту элементарных общественных норм. Мое поведение было скотским. Сначала ей нравилось. Сначала мне нравилось. Немного позже она стала пугаться моих экспериментов с ее душой и телом. После это уже не доставляло мне никакого удовольствия, но было любопытно, как далеко она сможет зайти, следуя за мной, и на сколько еще хватит ее сил и нервов?

Безоговорочная позиция сверху рождает в человеке агрессию в то время, пока на душу валится ненужный хлам, образовывая беспорядок. Некоторая преступность с нотками не изящества, а тотального беспредела. Скуки и деграда-

ции. В те моменты, когда мои глаза прекратили блеснуть на все возможности, лежащие у меня в кармане, она стала стараться еще больше, заинтересовывая и заражая меня анархией.

Я летел над этой бездной самой мощной и свирепой птицей. Я летел «над» или «в» – это был открытый вопрос. Кажалось, я уже не контролировал полет. Растрата физической энергии лилась немерено. Вытекала из меня ключом. Жажда на языке связала мой рот, и я искал чистый родник, чтобы напиться. Будучи внимательной ко мне, она подала стакан. Я улыбнулся, но мыслями проклял ее, сказав:

– Лимонад. Моя шипящая, прохладительная, газированная, кисло-сладкая, вредная, содовая, в жаркий день желанная, мною выпитая-испитая до дна. Неизбежная отрыжка, как исход. Теперь проваливай.

Подниматься вниз

Прежде чем оказаться где-то, сначала нужно совершить полет: пусть даже не ввысь, а в пропасть. Я бы нарек себя расписной птицей, но я, хоть и с крыльями, всего лишь **жук**. Не мудрено, что они все время пытались меня прихлопнуть. Клянусь, я не из тех, кто собирался довольствоваться своей участью. Да, да, появиться на свет мной – рок, но я не был лишен внутреннего чувства достоинства, а потому в своих эмпиреях я был отважнее слона.

Не ветра2 меня сразили – природа мне благоволила.

Стояла душераздирающая жара всего сочного и спелого: от земли до неба. Сочное, спелое, аппетитное, ароматное. Я стремился жить по их образу и подобию, хоть и понимал, что, в конечном итоге, это губительно для меня. Имея в арсенале лишь момент, я жил и довольствовался врожденной наглостью.

Призна2юсь, в тот день я не одержал ни одной победы, так как не участвовал ни в одном сражении. Но я и не думал, что, даже если не сражаешься, можно проиграть. Сначала они гоняли меня по вымышленному полю боя, они окружили меня, я видел их большие и неприятные зубы, я слышал громкие звуки и всем волосяным покровом чувствовал, как приближается беда. Они забили меня до полусмерти. Печально говоря, это не стоило им даже малейших усилий. Хлопок, и я

был втоптан в землю.

Казалось, я лежал бездыханно. Казалось, со мной остал-
ся только разум. Спустя какой-то период времени мой слух
разразил гром. После ливни опрокинулись водопадом. Кап-
ли били по моему хребту. Холод касался меня, я ощущал
воду, тем самым ко мне пришло осмысление, что я, **жук**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.